УДК 316.648:316.42:172

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ПРОГРЕССА В СВЯЗИ С ГЛОБАЛЬНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ СОВРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ И ВОПРОСОВ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Гаськова Марина Ивановна,
mia78988@gmail.com

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Гаськова Марина Ивановна, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Актуальность *темы исследования, связанная с проблемами глобального масштаба (уничтожением природы и потеплением, накоплением большого количества ядерного оружия и пр.), а также существующая сегодня тенденция к построению однополярного мира с соответствующими ценностями подтолкнули автора к тому, чтобы задуматься о сущности социального прогресса.* ***Цель работы:*** *конкретизация понятия, рассмотрение ключевых аспектов и критериев интерпретации данного феномена с фокусом на ценностное сознание.* ***Методы исследования:*** *методы анализа, обобщения. Автор стремилась исследовать проблему с точки зрения целостного подхода.* ***В результате*** *исследования были систематизированы и сгруппированы существующие подходы к прогрессу, в т. ч. в исторической перспективе, выделены ключевые аспекты, способствующие выживанию и гармонизации цивилизации. Основными* ***выводами*** *являются следующие: если в XIX в. прогресс понимался преимущественно как линейный, «безликий», претерпевающий универсальное развитие, то в XX в. отчасти под влиянием кризисных изменений во всём мире произошло его переосмысление. Теории, подчёркивающие значимость и уникальность развития каждой культуры, важность общечеловеческой (светской) этики способствуют осознанию взаимосвязанности и взаимозависимости людей, возросшей ответственности каждого, позволяют отойти от этноцентрической идеи доминирования западного пути развития. Сегодня мы в большей степени осознаём, что прогресс зависит от внутреннего мира каждого человека, его этических принципов и проактивной жизненной позиции. Современная идея прогресса также не подразумевает, что все элементы системы развиваются одинаково.*

Ключевые слова: *Прогресс, общечеловеческая светская этика, глобальные проблемы, роль личности.*

«Представляется, что основным водоразделом мира будущего будет именно ценностный. Для будущего мира окажется характерно «столкновение ценностей».
П. Бьюкенан [1].

Мораль является фундаментальным культурно-видовым основанием поведения людей, обеспечивающим их глобальное существование» [2, с. 74].

Общество, человечество в целом нуждается в новых парадигмальных представлениях о сущности человека и принципах его поведения! [2, с. 75].

Данная статья задаётся вопросом о внутренних механизмах развития современной цивилизации – в каком смысле данное развитие обладает позитивными чертами и какие «побочные эффекты» оно в себе несёт. Также, в ней я размышляю о том, что может стать одним из оптимальных способов улучшения сложившейся ситуации, но данная работа, скорее, ставит вопросы, чем предлагает конкретную программу социальных изменений, будучи открытой. В определённой степени она носит «нормативный» характер.

Основные аспекты в понимании идеи прогресса в связи с проблемами развития современности

В данной части хотелось бы затронуть несколько аспектов: вопрос исторического развития идеи прогресса и различные подходы / теоретические школы, касающиеся исследуемой темы.

На сегодняшний момент наиболее распространённой является точка зрения, что идея прогресса, если понимать под ней эволюционное, поэтапное общественное развитие, нашла своё наиболее яркое выражение в западной цивилизации и в науке [1−6 и пр.], а также стала сегодня тесно переплетена с понятием модерна [6]. Говоря об исторической перспективе её развития, то истоки в понимании прогресса в определённом смысле можно отнести к эпохе Возрождения, характеризующейся отходом от доминирующей церковной идеологии, развитием гуманизма, значимостью идей разума, свободы, активной и деятельной роли личности. Эпоха Нового времени, известная распространением светской науки и культуры, укрепила данные тенденции. В указанный период происходит возникновение новой цивилизации, новой системы отношений, европоцентристского мира формирование образа нового человека, стремящегося к самореализации [7]. В рамках религиозного сознания важным этапом такой индивидуализации стала Реформация, давшая добросовестного труженика, для которого исполнение профессионального долга стало делом сакральным. Просвещение дооформило образ нового человека, ставший культурной матрицей Нового времени. «Свободный самодостаточный индивид, утверждающийся в мире путём познания и преобразования природы, одновременно выстраивающий на разумных основаниях общественную жизнь, − такова мировоззренческая база социально-культурного консенсуса, проложившего дорогу промышленной эпохе в Европе» [2, с. 75]. *Мне представляется, что данные ценности явились ключевыми в формировании и поддержании идеи прогресса в его «классической» форме, в рамках классической науки.*

Эпоха же постмодернизма, как и светская культура многих современных западных обществ, характеризуется ценностным релятивизмом. Современный мир столкнулся с дилеммами глобализации (в частности, усиленным взаимопроникновением культур повышенной мобильностью) и необходимостью сохранения культурной идентичности малых народов; консерватизма и фундаментализма, с одной стороны, и либерализма − с другой [1]. В связи с этим, учитывая ставшей актуальной проблему глобального экологического кризиса, наращивания военного потенциала ведущими экономическими странами, имеет смысл поставить (открытый) вопрос, являющийся ключевым для данной работы, о взаимосвязи закономерностей общественного развития и ценностного сознания. В рамках данной проблематики необходимо отметить изменение в понимании концепции прогресса в последние десятилетия.

Для того чтобы более детально рассмотреть данный вопрос, хотелось бы далее выделить основные направления в подходах к понятию сущности социального прогресса и в видении процесса развития цивилизации в целом. Первая группа (наиболее распространённая в предыдущие столетия) рассматривает общественное развитие как уни-

версальный, единый для всех обществ, восходящий процесс. Согласно второму взгляду, необоснованно унифицировать развитие всех обществ. Каждая культура, полагают исследователи, имеет свой собственный жизненный цикл, критерии и законы внутреннего развития.

1. Основной позицией первой группы подходов в отношении прогресса является идея линейного развития, сформировавшаяся благодаря социальным изменениям в западной цивилизации, упомянутым выше. Прогресс, в основе которого лежит идея эволюционизма, в данном случае понимается как поступательное общественное развитие, рассматриваемое в позитивном ключе. Решающую роль в развитии западной цивилизации и, соответственно, идеи прогресса, сыграл фактор экономико-технологического детерминизма (создавший к настоящему времени одну из ключевых экологических проблем). Хотелось бы в данном контексте отметить два значимых аспекта, а именно то, что подобное понимание идеи прогресса (как и особенности исторического развития) характерны именно для западной цивилизации, которой, к тому же, в определённой степени присуща идея культурного превосходства. (С политической же точки зрения современная идея многополярного развития, экономический подъём некоторых восточных стран совсем не способствуют укреплению данной позиции.) Для культур Востока же более характерны идеи циклического и целостного развития [8].

Представляется немаловажным подчеркнуть роль общественных наук в развитии идеи линейного прогресса. Идея прогресса неотъемлема для социологии [9]. «Такое прозрение в будущее приписывается и науке об общественном развитии, социологии, которая получает поэтому совершенно исключительное значение в ряду других наук, становится как бы богословием новой религии. Отсюда понятно необыкновенное развитие общественной науки в XIX веке и необыкновенный, совершенно исключительный интерес к этой науке, играющей в наше время столь же суверенную роль в общественном мнении, как богословие в Средние века и классическая литература в эпоху гуманизма [10]. Хотелось бы также отметить значимый, на мой взгляд, факт: социология, будучи во многом продуктом позитивистского направления в науке, говорит об относительности истины, не затрагивает вопрос об общественных идеалах, позиционируя себя стремящейся к объективности, ценностно-нейтральной. Но действительно ли это оправдано с точки зрения того блага, которое общественные науки могли бы принести обществу? Не является ли подобная мировоззренческая позиция корнем морального релятивизма в современных западных странах? Полагаю, что это открытый вопрос, однако ценностные проблемы в жизни любого общества являются жизненно важными, вопросами будущности самого общества и его существования, поэтому они будут затронуты в данной статье.

Универсальный эволюционизм − основа современной научной картины мира, отмечал в т. ч. академик В.С. Стёпин. Хотелось бы отметить, что линейное развитие предполагал и марксизм, закрепивший также установку на экономический детерминизм в общественном развитии. «Картина социальной реальности, заданная основными принципами исторического материализма, требовала рассматривать все исторические события под углом зрения смены общественно-экономических формаций. Как следствие этих установок в марксистской исторической литературе преобладали описания экономического развития различных стран, революций и восстаний народных масс, но весьма редким исключением были работы, посвященные анализу глубинных менталитетов и ценностей, определяющих духовный климат той или иной исторической эпохи, исследования состояний массового сознания и образа жизни людей, характерного для этой эпохи и определенного вида общества [11, с. 194].

Также идея линейного прогресса вплетена неотъемлемой нитью в широко распространённые в общественных науках теории индустриального и постиндустриального общества (созданные как альтернатива марксизму) [12, с. 209]. Согласно теории индустриального общества (сформулированной Ароном и Ростоу), «социально-экономический прогресс представляет собой долговременный переход человечества от отсталого, аграрного «традиционного» общества, в котором господствует натуральное хозяйство и сословная иерархическая организация управления, к передовому, промышленно развитому индустриальному обществу с массовым производством товаров на рынок и буржуазно-демократическим строем». «Двигателем» развития, согласно данной теории, является технологический детерминизм, а также социально-психологические и политические факторы (протестантская этика, стремление к изобретательности и предприимчивости, политические амбиции государственных деятелей и пр.) [12].

Представление о постиндустриальном обществе (разработанное позже Комиссией 2000 года Американской академии искусств и наук под руководством Д. Белла) включает в себя четыре последовательные стадии: примитивно-потребительское, аграрное, индустриальное и постиндустриальное общества. В основе периодизации − технологический уровень развития и непосредственно связанное с ним профессиональное разделение труда. Распределение занятости в обществе по четырём основным сферам деятельности позволяет судить о его социальной прогрессивности. (К «первичной» относятся земледелие, скотоводство, рыболовство и пр.; к «вторичной» − различные отрасли перерабатывающей промышленности; к «третичной» − сфера услуг, а к «четвертичной» − производство информации, наука и образование) [12].

Упомянутые теории, в которых явно прослеживается идея линейного прогресса, конечно, не являются исчерпывающими, но лишь наиболее широко известными.

Таким образом, говоря о наиболее распространённом видении прогресса, рассмотренном выше, можно выделить в нём основные черты: прогресс рассматривается как универсальное поступательное развитие, как эволюция общественного развития, чаще всего будучи детерминируемой экономическими и технологическими улучшениями, причём в качестве образца видятся западные страны.

Хотелось бы отметить, что христианство (будучи мировоззрением, оказавшим мощнейшее влияние на развитие человечества) также заложило идею линейного прогресса**.** Основные «жизненные принципы христианства» заключаются в том, что оно «верит в историю как поступательный процесс, который через испытания, катастрофы и борьбу восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию» [13, с. 167]. С. Булгаков полагал, что общественный прогресс прежде всего предполагает развитие нравственности. «Итак, основные посылки теории прогресса таковы: нравственная свобода человеческой личности (свобода воли) как условие автономной нравственной жизни; абсолютная ценность личности и идеальная природа человеческой души, способная к бесконечному развитию и усовершенствованию; абсолютный разум, правящий миром и историей; нравственный миропорядок, или царство нравственных целей, добро не только как субъективное представление, но и объективное и мощное начало» [10].

С. Булгаков считал, что если говорить о роли науки и, в частности, общественных наук, то они «являются как бы специально призванными к тому, чтобы ориентировать в действительности и освещать добро и зло в социальной жизни. Как и во всем относительном, разум идет здесь шатким путем: понятия добра и зла в конкретной жизни спорны, возможны ошибки, не спорно лишь само понятие добра и зла, объединяющее всех людей» [10].

Представляется, что с методологической точки зрения развитие социальных наук за последнее столетие, несомненно, обогащается после исчезновения идеологического прессинга советского времени и обращения к исследованию религии в более широком ракурсе; помимо прочего, изучение аспектов духовной жизни общества обогащает ракурс видения позитивистской направленности наук.

Хотелось бы отметить, что теории, относящиеся ко второй группе, имеют ключевое отличие от первой группы: в них исследователи в качестве основного фактора прогресса видят, как правило, не технико-экономический, а культурный, ценностный, духовный.

2.1. Идея о циклическом развитии культуры была выражена ещё в античности, будучи весьма популярной в то время. «Этот взгляд разделяли, в частности, Платон, Аристотель и греческий историк Полибий (II–I вв. до н. э.). Для Древнего Рима характерно истолкование социального развития по аналогии с возрастными фазами жизненного цикла человека; в историческом процессе различали детство, юность, зрелость, старость» [9].

Среди теорий последних столетий, характеризующихся подобным видением социального развития определённой культуры/цивилизации, хотелось бы отметить идеи Сорокина, Шпенглера, Тойнби и Гумилёва (помимо множества прочих). Тойнби «стремился проследить иерархию социальных ценностей и концепцию смысла жизни, которые лежат в основании каждой из видов цивилизации и которые определяют ее ответы на исторические вызовы. Соответственно этим задачам происходил отбор фактов и их интерпретация» [14]. Картина социально-исторической реальности, предложенная П. Сорокиным, также акцентировала внимание историка на исследовании фундаментальных ценностей, которые определяют тип культуры и соответствующий ей тип социальных связей. Здесь основная задача состояла в выявлении фактов, обосновывающих типологию культур, соответствующую, согласно П. Сорокину, трем основным типам мировосприятия (чувственному, рациональному и интуитивному) [14].

2.2. К следующему пункту хотелось бы отнести теории, согласно которым каждая культура имеет свою собственную «судьбу», и было бы необоснованным универсализировать и обобщать социальное развитие всех обществ, подводя его «под одну гребёнку». Среди подобных направлений стоит отметить диффузионизм, в рамках которого выделилось антропогеографическое (Ф. Ратцель) течение, а на основе последнего, в свою очередь, возникли Баденская и Марбургская школы. Из Баденской школы возникли культурно-историческое направление (Ф. Гребнер и патер В. Шмидт) и сторонники культурных кругов. Под влиянием теории Ф. Гребнера возникает и т. н. Венская школа, основателем которой считается католический патер В. Шмидт [15].

А одним из родоначальников теории культурных кругов был Л. Фробениус, разработавший учение о «душе культуры» – «paideuma», согласно которому культура имеет и свой возраст – она рождается, растет, стареет и умирает, это «живое» существо. Также ему принадлежит попытка классификации первых стадий религии, систематизация и картографирование «культурных кругов». По словам известного религиоведа С.А. Токарева, «бесспорную заслугу Фробениуса составляет то, что он впервые ввел в широком масштабе и строго систематически метод картографирования явлений культуры. Серия карт, приложенная к его «Происхождению африканских культур», представляет и до сих пор несомненную ценность» [15, с. 137].

Имеет смысл выделить отдельно направление культурного релятивизма, основной смысл которого состоит в том, что единственным критерием суждения о поведении и ценностях, доминирующих в определённой культуре, является данная культура. Начало

этого направления положил Франц Боас, которое впоследствии продолжили его ученики [16]. Среди других представителей школы необходимо отметить А. Крёбера, Р. Бенедикт, Ф. Нортропа.

В силу того, что американский учёный А.М. Херсковиц считается главным представителем данной школы, хотелось бы обратить более пристальное внимание на его идеи. Обобщающим итогом его научной деятельности явилась «Культурная антропология» (1948, 1955), в которой в систематической форме изложена целостная культурологическая концепция. Основной акцент в книге М. Херсковиц делает на анализе, осмыслении фактов конкретных исследований культур [14].

В общем плане ученый определял культуру как созданную человеком среду. Такое понимание культуры он использовал при рассмотрении ее происхождения на самых ранних стадиях ее эволюции. В современных культурологических исследованиях М. Херсковиц понимал культуру в качестве психологической реальности. В соответствии с этим он определял культуру как «сумму поведения и привычного способа мышления людей, образующих данное общество» [14].

Источник развития культур он нашел в одновременном динамическом единстве их устойчивости и изменчивости. Но всякое изменение возможно при сохранении некоторых консервативных структур, которые являются субъектом развития. По его мнению, отсутствие изменений вообще означает смерть культуры. Однако разрушение устойчивых структур в культуре в угоду быстрым изменениям, например технологическому росту, означает ее деградацию, утрату самобытности. М. Херсковиц не поддерживал идею о единой закономерности в истории мировых культур, за образец в которой взята западноевропейская модель развития. Общий историко-культурный процесс представлялся ему в виде суммы разнонаправленно развивающихся культур. В соответствии с этим решался вопрос о прогрессе в истории: с точки зрения М. Херсковица, есть различные критерии прогресса в связи с наличием различных типов культур. Поэтому понятие прогресса − относительное, субъективное. Более того, в некоторых случаях развитие традиционной культуры по техническому (прозападному) пути ведет к ее смерти, уничтожению [14]. При всей очевидности достоинств данного направления исследований, а именно уважение и признание самоценности каждой культуры, отрицание европо- и этноцентризма, оно несёт в себе некоторые «подводные камни», которые хотелось бы обсудить далее.

Ключевым аспектом в данном случае представляется вопрос применения принципов релятивизма к вопросам этики, морали и нравственности. Согласно культурному релятивизму, разные культуры имеют разные моральные нормы. Поэтому можно сделать вывод, что моральные оценки относительны и зависят от культурной среды, из которой происходят. Только стандарты определённого общества могут определять, правильно ли мы действуем или нет, поэтому нельзя вмешиваться в жизнь и культуру народов [17–19].

Представляется в каком-то смысле правомерной идея Дж. Рейчелза о том, что нелогично было бы считать, как полагают последователи культурного релятивизма, что если есть несогласие в разных обществах относительно определённого факта (к примеру, о том, что Земля круглая), это является основанием для отрицания истины. Дж. Рейчелз утверждает, что выводы относительно объективной истины, касающейся эмпирического мира, можно экстраполировать и на сферу нравственной жизни человека. «Аналогично, если есть абсолютная моральная истина, всегда могут быть люди, которые не знают о ней. Фундаментальная ошибка релятивистов состоит в том, что они пытаются сделать существенный вывод по вопросу о морали просто из того факта, что

люди не согласны по данному вопросу» [20]. (Однако полагаю, что утверждение относительно того, что можно отождествлять эмпирический мир и мир ценностного сознания, конечно, несколько преувеличено.)

Хотелось бы отметить ещё один существенный аргумент, касающийся критики культурного релятивизма. «…Ведь любую, даже самую правильную мысль можно довести до абсурда, если проводить её прямолинейно, отвлекшись от общей исторической связи явлений. Так и тут. Нетрудно сразу увидеть натяжки и несообразности, неизбежные при слишком одностороннем применении принципа «релятивизма» к конкретным фактам. Вполне признавая принцип равноправия народов, мы едва ли можем требовать уважения к таким «культурным ценностям», как обычай охоты за головами на Новой Гвинее, гладиаторские бои в Древнем Риме, костры инквизиции в Средние века, концентрационные лагеря в фашистской Германии и т. п.». «Ценность» ценности все-таки рознь [20].

Таким образом, есть основание утверждать, что существуют некоторые социальные феномены, которые вне зависимости от конкретного общества, можно оценивать как негативные – это, помимо перечисленных выше, институт рабства, фашизм, антисемитизм, апартеид и пр.

На основе вышесказанного, по всей видимости, правомерным было бы поставить два вопроса, которые остаются открытыми. *Первый касается границ упомянутой выше идеи культурного релятивизма о том, что «истиной в последней инстанции» является каждая конкретная культура, а второй − о возможном существовании «абсолютных» моральных ценностей.* Тем не менее представляется, что те ответы, которые найдёт на них для себя современность, совсем не являются абстрактно-философскими – от них зависит как само понимание критериев прогресса, так и дальнейшие пути существования цивилизации.

Признание «абсолютных» (общечеловеческих) моральных ценностей не только даёт нравственный ориентир, но является проявлением высшей формы гуманизма, потому что признаёт равенство и уважительное отношение *ко всем* социальным группам вне зависимости от расы, места в социальной иерархии, вероисповедания и пр. К таким можно отнести потребности каждого человека в любви, доброте, сострадании, служении ближнему, взаимопомощи, сердечном тепле; это ценности, выраженные в основных заповедях мировых религий, представляющих, помимо прочего, более широкий взгляд, чем жизнь только ради материальных ценностей; это также признание духовных законов жизни. Можно, конечно, задаться вопросом о том, что понятие добра относительно, но здесь критерием и мерилом служит совесть человека. Представление о добре и зле присутствует в каждой культуре, будучи выраженным по-разному, на разных уровнях восприятия мира. Тем не менее эти представления являются одним из сущностных и неотъемлемых элементов социальной системы (что так детально и глубоко было показано в том числе направлением социального функционализма). В данном случае не хотелось бы слишком углубляться в настолько комплексную тему этики человеческого поведения, а сфокусироваться на взаимосвязи данной темы и главного объекта исследования статьи. Поэтому, во-первых, размышление над сущностью прогресса невозможно без осмысления этических вопросов. Во-вторых, в более узком смысле, возвращаясь к направлению культурного релятивизма, как это небезосновательно отметил Дж. Рейчелз, позиции культурных релятивистов ставят под сомнение идею морального прогресса. «Мы привыкли думать, что, по крайней мере, некоторые изменения в нашем обществе происходят к лучшему. Рассмотрим положение женщин. В прошлом права женщин в нашем обществе были очень ограничены. У женщин не

было собственности, они не могли голосовать, заниматься политикой, им было трудно или невозможно найти работу и, в общем, они находились под полным контролем своих мужей. Теперь ситуация изменилась, и многие называют это прогрессом. Что такое «прогресс»? Прогресс − это замена старого на новое, лучшее. Но при помощи какого морального стандарта мы определяем, что некое изменение ведёт к лучшему? Не используем ли мы новый, внешний стандарт? Но как мы можем использовать внешние стандарты, если мы находимся на позициях культурного релятивизма?» [20].

Ещё один значимый вопрос, который хотелось бы затронуть в данном контексте, касается того, что современный западный мир характеризуется именно релятивизмом в отношении моральных ценностей, как это блестяще показано в статье А.В. Лукина [1].

Предполагаю, что современный моральный релятивизм на Западе является в каком-то смысле продолжением идей культурного релятивизма, вызревшим на этой почве.

Ни одно общество до этого, утверждает А.В. Лукин, не было основано на принципах секуляризации и морального релятивизма, т. к. религиозные системы, являвшиеся доминирующими в других обществах, предполагали наличие абсолютных моральных ценностей. «В рамках современной западной идеологии, основанной на концепции «прав человека», индивид может делать все что угодно, если его действия не затрагивают права другого. Моральных ограничений нет, есть только правовые» [20].

Сегодня, как отмечает автор, существует серьёзные основания для смены однополярного мира (характеризующегося стремлением западных стран к превосходству, в том числе к мировоззренческому и убеждённостью в том, что только они следуют прогрессу) многополярным. Новые центры силы имеют свои собственные ценности и поэтому, по его мнению, западная идеология секулярного либерализма будет встречать всё большее неприятие. А.В. Лукин поднимает важнейшую, на мой взгляд, проблему, касающуюся «столкновения ценностей», которое возможно в будущем. С одной стороны, он видит сторонников принципа абсолютных ценностей (выраженный консерваторами и традиционалистами), с другой – морального и ценностного релятивизма (выраженный мультикультурной и транснациональной элитой). «…объединение против «воинствующего секуляризма», скорее всего, произойдет не на платформе американских консерваторов, но на основе общего понимания отдельных фундаментальных (хотя и далеко не всех) ценностей и некоторого общего подхода к миру. Пока модели, альтернативные западным, выдвигают в основном авторитарные лидеры и системы, в которых не используются основные достижения западной цивилизации: высокий уровень политической свободы, обеспечиваемой системой разделения властей, верховенством права и т. п. Это в значительной мере лишает такие модели привлекательности. Даже не признавая политические свободы высшей целью человечества, негуманно и даже лицемерно было бы считать их и вовсе ненужными и отрицать их необходимость в качестве благоприятного условия для достижения иных, более высоких целей. *Такое отрицание часто является оправданием для вечного и неэффективного правления диктаторов всех мастей и репрессий с их стороны. Поэтому идеальная незападная модель должна сочетать высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей.* Будет ли кем-то предложена такая модель или борьба продолжится между двумя традиционными оппонентами: ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом, покажет будущее» [20]. В следующей части, конечно, не будет представлено подобной модели, но будет сделан в шаг в направлении альтернативного угла зрения на вышеописанную проблему, исходящего из мировоззренческих, ценностных установок.

В связи с вышесказанным, хотелось бы также процитировать здесь мысль В.В. Чешева: «Речь должна идти об обосновании социального проекта, ведущего к построению социальных структур в условиях постиндустриальной техносферной реальности, реализующего этические принципы соединения общественной пользы и индивидуального блага» [2, с. 78].

Некоторые аспекты, касающиеся осмысления ценностей в связи с проблемой общественного прогресса

Если попытаться кратко сформулировать основную суть доминирующей идеи прогресса, то можно утверждать, что, как обсуждалось выше (в первом пункте), он связан с индустриальным развитием западных обществ, движимых идеями постоянной модернизации, роста экономики и культурного превосходства. Данные принципы поддерживались материалистически ориентированными позитивистскими направлениями общественных наук, в которых также господствовала идея доминирования над природой.

Акцент на данных ценностях имеет свои побочные эффекты, наиболее существенные из которых – экологический кризис, глобальное потепление [21], которые несут за собой массу других проблем. Постулат непрерывного роста как основы индустриальной культуры был подвергнут резкой критике и детальному анализу также в серии «Доклады Римскому клубу» [14]. Вместо стоимостных субъективных показателей индустриализма представители Римского клуба предложили «человеческие качества» в виде целей развития, среди которых важнейшую роль играло сохранение культурного наследия. По мнению организатора Римского клуба А. Печчеи, «проблема пределов человеческого роста и человеческого развития будет по сути своей проблемой главным образом культурной» [22, с. 220]. Ее решение во многом зависит от изменений современной культуры как способа организации жизни человека. Идеи, развиваемые А. Печчеи, весьма близки к размышлениям К. Лоренца, высказанным им в его книге «Упразднение человечности» (1983). К. Лоренц − один из основателей этологического подхода к изучению культуры − рассуждал о необходимости переключения все большего объема человеческой энергии с создания и потребления материальных ценностей на производство ценностей духовных. Исследователь считал, что изменения в современном мире возможны исключительно на базе «углубленного этнокультурного и социопсихологического анализа как архаических, так и современных культур» [23, с. 180].

Суть сложившейся ситуации выразил один из идеологов Римского клуба Э. Янч: «Сегодня мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую среду как единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее нестабильности. Достигнутый ныне абсолютный уровень этого неконтролируемого роста определяет высокую инерционность динамической системы, снижая тем самым ее гибкость и способность изменяться и приспосабливаться. Стало совершенно очевидным, что в этой системе нет никаких внутренних кибернетических механизмов и не осуществляется никакого «автоматического» саморегулирования макропроцессов. *Этим кибернетическим элементом эволюции нашей планеты будет сам человек, способный активно воздействовать на формирование своего собственного будущего.* При этом он сможет на деле выполнить эту задачу только при условии контроля над всей сложной системной динамикой человеческого общества в контексте окружающей его среды обитания... Что может возвестить вступление человечества в новую фазу *психологической эволюции*» [14]. Далее хотелось бы затронуть идеи (лауреата Нобелевской премии) Далай-ламы XIV, касающиеся его видения выхода из проблем современности, непосредственно свя-

занные с упомянутыми выше мыслями. Будучи сегодня гораздо больше, чем лидером тибетского буддизма, он занимает активную гражданскую позицию, которую отстаивает как надрелигиозную. Свои идеи, к которым имеет отношение данная работа, отражены им, в частности, в книге «Этика для нового тысячелетия» [24], а также на его регулярных встречах с учёными из разных стран мира, в Институте исследования сознания (Mind and Life Institute), созданном по его инициативе и пр.

Далай-лама считает, что решение множества проблем, в т. ч. глобального уровня, лежит в развитии общечеловеческой этики. В её основе – главные этические качества, в которых нуждается каждый житель планеты, вне зависимости от расы, вероисповедания, политических предпочтений и других «внешних» характеристик. Это любовь, сострадание, осознание всеобщей ответственности и взаимопомощи, терпимость, ненасилие, душевная теплота и другие. Это также необходимость разоружения и деятельность по укреплению мира.

Данные этические принципы стоят над любой религией, подчёркивает Далай-лама; он использует термин «светская этика». Он отстаивает точку зрения, что мышления «закованного» мировоззренческими рамками определённой религии недостаточно сегодня, так как история знает множество примеров войн и конфликтов, основанных на религиозных принципах. Религия нередко является поводом для раздора. И это, на мой взгляд, особенно актуально для России – многонациональной страны, где представлено множество религий.

Далай-лама делает акцент на изучении сознания, активно взаимодействуя с современными учёными со всего мира, специалистами в области философии, психологии и пр. Непосредственно буддизм имеет в своём арсенале практики, позволяющие тренировать своё сознание и дающие возможность, помимо прочего, сделать ум человека более дисциплинированным и сконцентрированным, эмоции более уравновешенными, что наиболее важно для сегодняшнего дня. Его Святейшество считает, что данные практики может применять любой человек, вне зависимости от вероисповедания. В своих лекциях и публикациях (будучи автором нескольких десятков книг) он употребляет термин «научный гуманизм» − специалисты из разных областей должны собираться вместе, чтобы размышлять над вопросами, касающимися нравственности и добродетели.

Далай-лама убежден, то, чего сегодня действительно не хватает миру, − это *«образование сердца»*, поэтому он активно вовлечён в привнесении этических аспектов и работы над осознанностью в систему образования в мире. Идея, что образование должно быть нейтральным, не работает, т. к. дети всё равно усваивают ценности. В образование, как он считает, необходимо включать знания о том, как работать со своими негативными эмоциями и делиться друг с другом этими знаниями; делать упор на единство человечества. Современное образование к тому же слишком материалистично. Нам необходимо не только материалистическое общество, а человечность. К примеру, высокий уровень алкоголизма во многих странах мира говорит о том, что мы не знаем, как справляться с эмоциями. Далай-лама сотрудничает с ведущими преподавателями и исследователями в некоторых западных университетах, осуществляющими реальные практические шаги в данном направлении. К примеру, существует Институт социального и эмоционального образования (Institute of Social and Emotional Education), а также OECD – международная организация, основные нравственные принципы деятельности которой – образование, сострадание, эмпатия, саморегуляция, доверие. Существуют также различные программы, созданные при университетах на Западе (к примеру, SEEC – Социальная, эмоциональная и этическая программа). Достаточно много лет ак-

тивно функционирует Институт по исследованию сознания и жизни (Mind and Life Institute), цель деятельности которого заключается в стремлении к уменьшению страдания и развитию процветания человека.

Далее хотелось бы рассмотреть содержание регулярно проводимой научной конференции Mind and Life XXXIII − Reimagining Human Flourishing («Сознание и жизнь XXXIII – переосмысливая вопросы человеческого процветания»), проходившей 12−16 марта 2018 года в Индии с участием Далай-ламы, а также западных исследователей и монахов-учёных. Её польза для данной статьи заключается в том, что там обсуждались конкретные практические шаги, предпринимаемые преподавателями ведущих западных университетов для реализации указанных этических принципов.

На конференции этого года основной темой было то, как давать детям и молодёжи такое образование, которое бы включало в себя светскую этику, принципы сострадания, любви и прощения, учитывая, что состраданию возможно обучить [25]. В данном случае хотелось бы затронуть один пример практической работы, применяемой в данном направлении и обсуждаемой на конференции. Это исследование Даниэлом Голманом вопросов социального и эмоционального обучения (social emotional learning) – того, что Далай-лама называет «образованием сердца». Д. Голман и его коллектив ставят целью обучить детей самосознанию (self-awareness), социальной осознанности, ответственности в принятии решений и др. Мозг является пластичным, убеждён исследователь, «и даже если что-либо передалось человеку генетически, оно может быть трансформировано». «Социальное эмоциональное обучение имеет долгосрочный эффект и может превосходить гены по силе своего воздействия» [26]. Исследователи составили возрастную шкалу эмоционального развития ребёнка и в соответствии с ней обучают детей (молодёжь) определённым навыкам (они убеждены, что социальная и эмоциональная часть мозга продолжает развиваться и в возрасте двадцати с лишним лет). К примеру, в возрасте 5−8 лет детей обучают называть эмоции (в одном из других проектов маленького ребёнка учат выбирать карточку, на которой написано название или нарисована эмоция, которую он испытывает на данный момент), а также осознавать, как определённая эмоция заставляет его действовать; детей этого возраста также обучают контролировать разрушительные импульсы (к примеру, через дыхание, а также через «формулу» − «остановись, успокойся и подумай, прежде чем действовать»). В целом, в зависимости от возраста, детей и подростков обучают контролированию и осознаванию эмоций, знанию о том, что причиняет стресс, а также личной ответственности за этические решения. «По мере того как семьи становятся более сострадательными, всё общество будет становиться более сострадательным» [26]. Данное соображение напоминает нам о *взаимозависимости* и *взаимосвязи* элементов общественной системы, что, на мой взгляд, особенно актуально для сегодняшнего дня.

Полагаю, что достоинство следующей таблицы заключается в том, что она представляет собой целостное видение обсуждаемых феноменов, учитывающее как индивидуальные, так и коллективные аспекты бытия человека.

Указанные выше моменты представляются особенно актуальными для сегодняшнего дня, так как современный мир характеризуется процессами глобализации, повышенного взаимовлияния и взаимопроникновения культур, поэтому Далай-лама напоминает нам о значимости действия каждого человека в современном мире. В предыдущем материале упоминалось, что Далай-лама подчёркивает надрелигиозный аспект отстаиваемых им идей. Однако в данном контексте хотелось бы затронуть значимость непосредственно буддистского понятия «пустоты», являющегося фундаментальным в данной религии. Несмотря на его комплексность, одной из его ключевых характеристик

является то, что ни один феномен бытия не является полностью независимым, а испытывает воздействие множества других факторов, что и делает его, на мой взгляд, особенно актуальным для проблематики современного мира [28]. В применении же к теме данной статьи и к вопросу индивидуального самосознания − полагаю, что оно увеличивает уровень осознанности человека, ведёт к пониманию значимости его индивидуальных действий на глобальном уровне.

Таблица. *Девять компонентов социального и эмоционального интеллекта [27]*
Table. *Nine components of social and emotional intelligence [27]*

ОБЛАСТИ/DOMAINS	ПРИЗНАКИ/DIMENSIONS				
		Осознанность Awareness	**Сострадание Compassion**	**Вовлечённость Engagement**	
	Личное Personal	Внимание и самосознание Attention and self-awareness	Сострадание к самому себе Self-compassion	Саморегуляция Self-regulation	*Внутренний фокус Inner focus Эмоциональный интеллект Emotional intelligence*
	Социальное Social	Межличностная осознанность Interpersonal awareness	Сострадание к другим Compassion for others	Навыки построения взаимоотношений Relationship skills	*Фокус на другого Other focus Социальный интеллект Social intelligence*
	Системы Systems	Умение ценить взаимозависимость Appreciating interdependence	Осознание общности человечества Recognizing common humanity	Общность (общинность) и глобальная вовлечённость Community and global engagement	*Внешний фокус Outer focus Системный интеллект System intelligence*

Представляется, что имеет смысл задаться вопросом, как обсуждаемые выше нравственные принципы могут быть применены *к социальным институтам и структурам*, в частности в российской действительности? Затрагивая в первую очередь систему образования, необходимо отметить, что, несмотря на то, что в современном российском обществе получение высшего образования имеет высокую значимость, мотивация студентов, так же как и содержание курсов, слишком сфокусированы на материалистических ценностях, «внешней» успешности в построении карьеры. Положительный же момент, на мой взгляд, заключается в том, что в лучших образовательных учреждениях студентов учат мыслить, анализировать информацию, подходить к задачам творчески. Но, несомненно, что и в России, выражаясь терминологией Далай-ламы, не хватает образования сердца, что также усугубилось трансформацией всей социально-политической системы страны в последние десятилетия, формированием новой системы ценностей. Русская православная церковь активно внедряется, помимо прочего, в школьную систему образования под видом изучения религиозной культуры, пытаясь одновременно с этим сформировать единую государственную идеологию [29]. Во многих регионах курсы православия стали обязательными в школах. Однако является ли это разумным выходом из ситуации «нравственного вакуума», учитывая уникальную особенность страны, а именно её многонациональность и мультирелигиозность, покажет время. При всей несомненной духовной и нравственной поддержке, которую придаёт человеку христианское учение как таковое, РПЦ часто проявляет позицию агрессивной нетерпимости к любой форме инакомыслия, в последние годы активно вмешиваясь во все сферы социальной жизни страны [30 и пр.].

Что касается института науки (общественных наук), он, как известно, находился в советское время под влиянием господствующей идеологии марксизма, что, несомненно, крайне сужало ракурс исследования проблем. Ответвления наук, имеющие отношение к «исследованию души» (психология и пр.), также, будучи под большим прессом, получили своё развитие и свободу только в последние десятилетия. Однако результатом такой ситуации явилось то, что в современном российском обществе наблюдается низкий уровень психологической культуры, как отмечают психологи, а ведь именно психология («позитивная», трансперсональная психология и другие её направления) может служить ресурсом для образования сердца. К тому же, хотелось бы согласиться с точкой зрения, упомянутой выше в работе, что теоретически направленные исследования в общественных науках в целом принесут большую пользу обществу, если будут задумываться и об общественном благе. Ещё М. Вебер в своё время блестяще показал, что в социальной науке знание никогда не может быть и не является объективным, если понимать объективность как независимость и изолированность от социального контекста и личности субъекта-исследователя [31].

Общеизвестно, что Россия переживает кризис института семьи: в стране высокий процент разводов, абортов, оставленных детей. Существует точка зрения (в частности, выраженная ведущими психологами страны), что ключевой причиной является высокий уровень эгоистичности людей, неумения строить совместные отношения [32]. (А именно альтруизм – та черта, необходимость развития которой в современном мире подчёркивает Далай-лама.)

Что касается экономических институтов, они движимы интересом накопительства, увеличения прибыли. Поэтому осознание социальной ответственности, участие в благотворительности являются способом оздоровления общества, укрепления взаимосвязи и взаимопомощи его членов. В последние годы в России появляется всё больше фондов и благотворительных организаций и в некоторых принимают участие предприниматели, что является показателем несомненного позитивного изменения современного общества.

О критериях и понятии прогресса

В данной части хотелось бы подвести некий итог обсуждаемому выше, затронуть вопрос о понятии прогресса – не как «жёстко» сформировавшегося термина, а как показателя развития самой научной мысли.

Понятие прогресса – это не теория или объективно заданный фактор эмпирического мира, который можно было бы доказать или опровергнуть. «Само понятие прогресса носит в значительной мере оценочный, нормативный характер, поэтому пионеры социологической мысли стремились давать ему чисто описательную трактовку, устраняя из него те значения, которые заставляли думать о большем или меньшем совершенстве определенных обществ и общественных состояний». [9, с. 5−6]. «Как можно защитить, обосновать предлагаемую идею прогресса? Давайте определимся относительно её логического статуса. Так как это, по сути, только расширенное, контекстуальное определение, концепция, а не пропозиция, модель, а не теория, она не может быть протестирована или верифицирована непосредственным сопоставлением с эмпирическими фактами. Критерий истинности или ложности здесь просто неприменим. Данная идея формулируется с целью постичь, интерпретировать, отсортировать и понять определённые аспекты социальной реальности в какой-то степени более эффективно, чем посредством альтернативных определений. Поэтому единственный действенный эмпирический критерий состоит в том, как он помогает достичь этой цели или, выражаясь

иначе, – в чём состоит его продуктивность» [33, с. 259]. Вопрос о неразрывной взаимосвязи понятия прогресса, оценочных суждений и ценностей исследовал также Момджян К.Х. [5].

Полагаю, что практически любая работа, фокусом исследования которой является прогресс, задаётся вопросом о его критериях. В данном случае не ставится цели представить их исчерпывающий анализ − данный аспект будет затронут лишь в связи с обсуждаемыми выше проблемами.

Идея прогресса, как обсуждалось выше, будучи ключевой для западных стран, имеет и свой «побочный» эффект – это, помимо прочего, экологический кризис, ценностный конфликт цивилизаций. Другими словами, доминировавшее западное понимание прогресса преимущественно как технического, экономического поступательного развития с акцентом на улучшение материальной жизни и представление о своём культурном превосходстве привело к естественной необходимости его переосмысления. В данном случае «балансирующими» являются идеи об уникальной значимости каждой культуры, и в таком случае показателем «прогресса» в её развитии является способность сохранить свою целостность, тот ключевой стержень, свои собственные законы, благодаря которым она функционирует (культурный релятивизм). Существует к тому же точка зрения, выраженная, к примеру, С. Хантингтоном, согласно которой Евроатлантизм сможет усвоить ценности других культур; что существует тенденция некоторой его переориентации на более интровертную, обращенную к внутреннему миру человека. Это выразилось в интересе к личностному совершенствованию, к религиозным системам буддистской и даосистской ориентации, в неприятии молодым поколением рационально-вещественного подхода к жизни, появлении контркультуры на Западе с начала 70-х годов [14]. Также современная ситуация в Западной Европе, вызванная притоком мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки в последние десятилетия, представляет собой, как известно, важнейшую проблему для местных жителей, помимо прочего связанную с вопросом сохранения культурной идентичности европейцев. Существует точка зрения, согласно которой именно излишний «либерализм» и толерантность местных жителей в своё время привели к данной угрозе. Необходимость нахождения гуманных критериев сосуществования культур и народов одна из важнейших задач для жителей данного региона сегодня.

К тому же было бы, несомненно, слишком однобоким видеть только негативные моменты в западной идее прогресса. Западная цивилизация достигла более высокого уровня развития не только по сравнению с другими странами в экономической, материальной сфере, в качестве жизни гражданина, но и в области соблюдения и защиты прав и свобод человека, в уровне демократизации общества, осознания человеком ответственности и веры в свою способность изменить жизнь вокруг. Полагаю, что эти важнейшие качества – активная, деятельная позиция личности, осознание достоинства личности – являются в первую очередь наследием западной цивилизации.

Затрагивая вопрос о понятии и критериях прогресса, хотелось бы отметить два крайне значимых фактора, а именно то, что, во-первых, прогресс невозможно рассматривать без регресса. «Прогрессивное развитие (усложнение) организма в целом не исключает противоположно направленного процесса упрощения, деградации отдельных его функций и органов» [12, с. 466]. Во-вторых, в применении к социальным наукам данное наблюдение имеет особое значение методологического плана: чаще всего определённое общество принято рассматривать как *единую, «монолитную» систему*. Однако общество состоит из индивидов и социальных групп, между которыми существуют кардинальные различия, в частности в мировоззренческом плане. Глубоко эту тему ис-

следовал интегральный теоретик К. Уилбер во множестве своих работ [34]. Небезосновательно он отмечал, что различия между социальными группами одного общества могут быть гораздо существеннее, чем различия между теми же группами в разных обществах (виды мировоззрений он подразделял на архаичное, магическое, мифическое, рациональное и пр.). Человек из определённой социальной группы отличается от человека из другой социальной группы практически во всём – от манеры одеваться до самых глубинных аспектов личности, пишет Уилбер в своих работах.

Таким образом, можно говорить о прогрессе (и регрессе) не только на абстрактно-глобальном уровне, но и на уровне макро- и микрогрупп, а также на личностном уровне. И степень этих изменений не совпадает, не является гармонично слаженной, что и служит источником множества конфликтов.

В частности, могут существовать глубинные ценностные конфликты, что было затронуто в данной статье. Однако имеет смысл согласиться с идеей Далай-ламы о том, что более конструктивным видом этического мышления является стремление видеть общее: то человеческое, что нас связывает, а не то, что разделяет. Фокусироваться на различиях по признаку расы, пола, вероисповедания и прочее – это путь к разделению и нетерпимости. Поэтому он предлагает обратить внимание на те нравственные принципы, которые приносят счастье любому живому существу (выраженные им во множестве публикаций и докладов).

Хотелось бы также в данном случае задаться вопросом, как критерии прогресса могут быть применимы к сфере этики и ценностей, что может служить «индикатором» того, что произошёл прогресс в данной области? Несомненно, что к данному вопросу можно подходить с разных точек зрения, а точнее, это зависит от теоретического ракурса, в котором – осознанно или неосознанно – находится мировоззрение самого исследователя. К. Уилбер полагает, что упомянутые выше уровни мировоззрений имеют тенденцию развиваться в плане большей комплексности, а также «холизма» (в данном случае способности последующих включать предыдущие). Уилбер – эволюционист, он считает, что принцип эволюции применим и к стадиям развития ценностей и мировоззрения (его теорию можно отнести к первой группе подходов в первой части статьи).

Думаю, что с данным утверждением были бы крайне не согласны представители направления культурного релятивизма, т. к. в рамках данной концепции на вопрос о прогрессе в сфере нравственности отвечает каждая культура, будучи сама «критерием истины», развиваясь по собственным, уникальным законам.

Полагаю, что показателем нравственного развития общества как целостной системы является та социальная группа, на которую распространяются нравственные нормы и различные привилегии (не только социальные, экономические, политические), то есть, кто в нравственном, этическом отношении относится к категории «свой−чужой». К примеру, в Римской империи правами и свободами пользовались только граждане, а не рабы. В фашистской Германии определённые нации даже должны были подвергнуться уничтожению, не говоря о том, что к ним не были применимы нравственные нормы поведения. Так, чем шире расширяется круг «приемлемости», т. е. от уровня своей касты/слоя/класса до всего общества/цивилизации, тем выше уровень нравственного прогресса. Другими словами, речь в данном случае идёт о принципах *общечеловеческой этики*, согласно которой каждый человек на планете нуждается в любви, сострадании, проявлении терпимости, доброты, взаимопомощи и пр.

Представляется, что следующий рисунок плодотворно систематизирует идеи, касающиеся конкретных социальных показателей общественного прогресса.

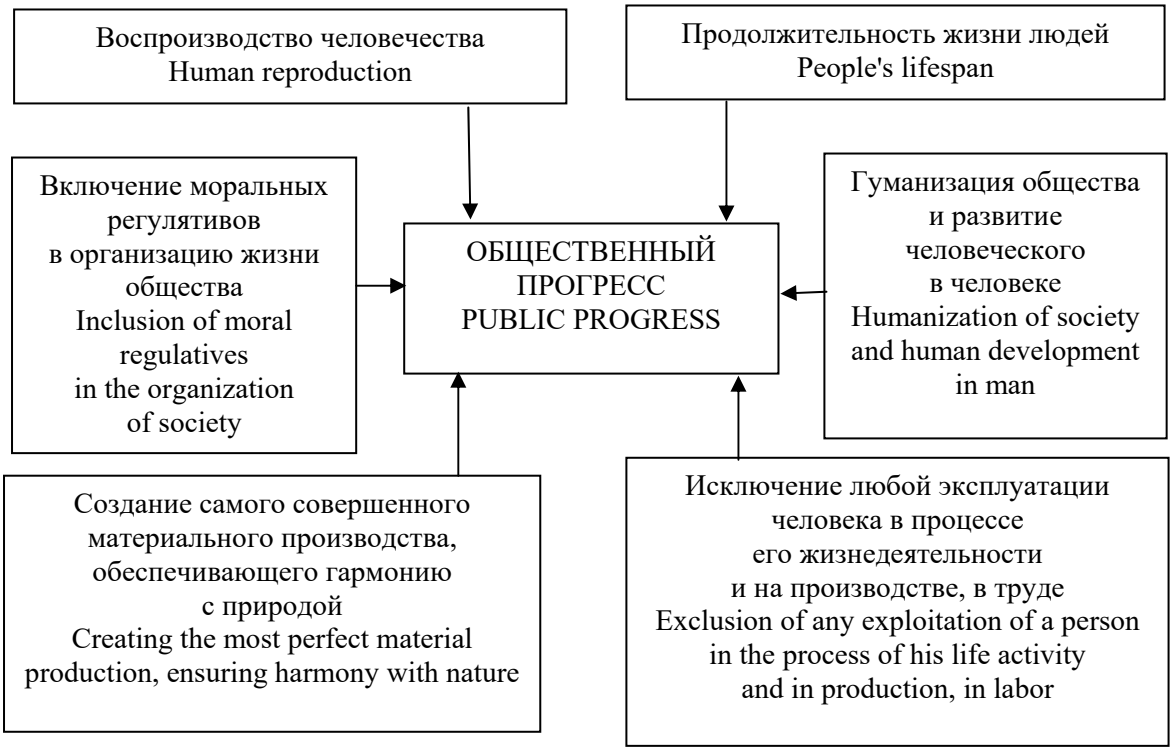

Рисунок. *Ценностные показатели общественного прогресса [35]*
Figure. *Value dimensions of social progress [35]*

Далее хотелось бы обратиться к модели социального прогресса П. Штомпки, т. к., на мой взгляд, *с методологической точки зрения* она представляет собой наиболее всестороннее, целостное видение данного феномена. Именно такой подход к анализу любого объекта исследования является наиболее исчерпывающим и перспективным. Относительно же рассматриваемой в данной части статьи проблематики эта модель имеет особенную значимость, т. к. акцентирует внимание на роли активного, деятельного человека, на вере в способность индивида/общества к кардинальной трансформации и самотрансценденции.

Предложенная П. Штомпкой модель (будучи «идеальным типом») совмещает в себе уровни индивидуального и коллективного; социальные уровни возможного − потенциала и его реализации; учитывает условия окружающей природной среды и внутренних биологически унаследованных способностей. Принимает во внимание фактор времени (т. е. воспринимает общество не статично), а также рассматривает индивидов как обладающих рефлексией и самосознанием, а не просто переживающих на себе воздействие общественных процессов [33].

Ключевым понятием в модели учёного является субъектность (agency). «Субъектность – это имманентно присущий обществу потенциал, являющийся причиной трансформации или, другими словами, врождённая способность к самотрансценденции [33, с. 251]. Субъектность обусловлена несколькими факторами: во-первых, структурами (нормами, ценностями, ролями, институтами, убеждениями и пр.), во-вторых, вкладом субъектов деятельности (actors) – их навыками, способностями и пр., в-третьих, это историческая традиция, «толчок из прошлого», в-четвёртых, видом такого влияния является «притяжение будущего» − будущее, закодированное в существующих структурах, или представляемые в воображении акторов «образы будущего», наконец, в-пятых, обуславливающим фактором (как сдерживающим, так и, наоборот, способствующим

формированию субъекта) П. Штомпка выделяет влияние окружающей среды. Таким образом, субъектность синтезирует в себе несколько значимых аспектов, обычно рассматриваемых в других теоретических исследованиях как несовместимые. Её сущность является одновременно результатом взаимодействия как акторов, так и структур, т. е. она понимается не только как индивидуалистический или коллективистский феномен. Также субъектность воспринимается ни в понятиях материализма, ни в понятиях идеализма, а связывает структурные и естественные (материальные) ресурсы с человеческим знанием, убеждениями и пр. (идеалистические аспекты). Субъектность к тому же связывает социальную стабильность и социальную динамику, учитывая прошлые фазы исторического развития общества и одновременно его потенциал к будущему развитию [33, с. 253].

Наиболее значимый момент, который хотелось бы подчеркнуть в данном случае, − это определяющая роль «акторов», роль личности как части понятия субъектности. Индивиды могут быть пассивными, консервативными, безучастно принимающими приписанные им позиции (что соответствующим образом влияет на социальную структуру). Либо проявлять противоположные качества. Значимость личности – в духовном, этическом ключе, как было видно из обсуждавшегося в данной части материала, подчёркивалась и Далай-ламой. А концепция П. Штомпки встраивает её в социальную концепцию. Относясь к совершенно разным культурным традициям, имея разное образование и в каком-то смысле мировоззрение, эти два человека нашего времени, оказывающие глубочайшее влияние на мышление людей – каждый в своей сфере – тем не менее пришли к одному видению ключевого источника изменений.

«В конечном итоге, основной источник прогресса находится в неуменьшающейся и принципиально неограниченной креативности и обучаемости человеческих существ, способных как осмысливать нововведения, так и наследовать и передавать инновации, постоянно увеличивая всеобщий объём знаний, навыков, стратегий и пр.». Тем не менее автор отмечает, что не существует как таковой необходимой предопределённой заданности прогресса, т. к. невозможно утверждать, что люди будут иметь способность и стремление реализовывать свои творческие задатки [33, с. 258].

П. Штомпка (относя себя к новому теоретическому направлению постдевелопментализма) обобщает черты радикально нового подхода к социальному прогрессу. Прогресс рассматривается: 1) скорее как потенциальная возможность, а не как окончательный результат; 2) как динамический, развивающийся конкретный процесс в большей степени, чем абсолютный, универсальный, внешний стандарт; 3) как историческая возможность, открытая опция, а не неизбежная и неотвратимая тенденция; 4) как результат – часто непреднамеренный и неосознанный − коллективных действий людей, «а не Божественного провидения, благих намерений исключительных людей или автоматически протекающих социальных механизмов» [33, с. 251].

Таким образом, как изменилась идея прогресса в современности по сравнению с предыдущими столетиями? Если в XIX веке прогресс понимался преимущественно как линейный, «безликий», претерпевающий универсальное развитие, то в XX веке, отчасти под влиянием изменений, происходящих во всём мире (в частности, экологического кризиса, техногенных катастроф, глобального потепления и пр.), произошло его переосмысление. Теории, подчёркивающие значимость и уникальность развития каждой культуры, важность общечеловеческой этики позволяют дополнить вышеуказанные идеи осознанием взаимосвязанности и взаимозависимости людей, возросшей ответственности каждого, отойти от этноцентрической идеи доминирования западного пути развития. Сегодня мы в большей степени осознаём, что прогресс зависит от внутренне-

го мира каждого человека, от внутренней этики его поведения и проактивной жизненной позиции. Современная идея прогресса также не подразумевает, что все элементы системы развиваются одинаково.

Следующее высказывание польского исследователя Ержи Едлицки (Jerzy Jedlicki) ёмко суммирует основные идеи прогресса: «Прогресс – это большой миф, если мы относимся к нему как закону истории, как к исторической необходимости для всех времён и культур. Прогресс – это утопия, если мы относимся к нему как к непогрешимой дороге тысячелетия, какому-то окончательному состоянию человечества, свободного от нищеты, страха, репрессий, борьбы и других драм человеческих судеб. Прогресс не миф и не утопия, если мы относимся к нему как к выбору ценностей и как к задаче для творческого разума и активности человека, действующего в сфере человеческих возможностей, простирающейся от иллюзорных демиургических чувств всемогущества до отчаяния, вызванного беспомощностью перед лицом слепых сил истории. Такой прогресс является эмпирической возможностью, а не необходимостью. Будущее всегда неизвестно и негарантированно нам ни в каком случае. Стремясь к прогрессу, мы руководствуемся идеалами, но не ожидаем их воплощения в идеальном виде; подобным образом, наука не предполагает, что однажды абсолютно всё станет известно, открыто и разрешено» [36].

Закончить работу хотелось бы на оптимистической ноте словами П. Штомпки: «Послание представленной идеи прогресса для человека призывает к активности, осознанности, ответственности, реалистичному оптимизму, преданности. Оно просто говорит: надейся и стремись. А надежда и стремление – это то, что и означает здесь прогресс, просто иное выражение идей свободы и самотрансценденции [33, с. 261].

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.179.1.2. «Условия и стимулы формирования и реализации человеческого потенциала населения в трудовой и образовательной сферах» № АААА-А17-117022250119-3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукин А.В. Куда ведет прогресс? // Россия в глобальной политике. – 2014. − № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Kuda-vedet-progress-17108 (дата обращения 08.06.2018).
2. Чешев В.В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте // Вопросы философии. – 2017. − № 12. – С. 64−78.
3. Alexander J.C. Between progress and apocalypse: social theory and the dream of reason in the twentieth century // Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century / Ed. by J.C. Alexander, P. Sztompka – Boston: Unwin Hyman, 2002. – P. 15–38.
4. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. – 2017. − № 12. – С. 32−43.
5. Момджян К.Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. – 2016. − № 10. – С. 36−46.
6. Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // СОЦИС. – 2013. − № 10. – С. 3−13.
7. Новое время // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/19198 (дата обращения 14.08.2018).
8. Моисеева Л.А. История цивилизаций. Курс лекций. URL: https://sci-book.com/istoriya-vsemirnaya/istoriya-tsivilizatsiy-kurs-lektsiy-rostov.html (дата обращения 12.08.2018).
9. Гофман А.Б. Из каких идей родилась социология: интеллектуальные истоки новой науки. URL: http://socioline.ru/_seminar/library/gofman/lection_02.php (дата обращения 07.06.2018).
10. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса. URL: http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html#_ftn1 (дата обращения 07.05.2018).
11. Стёпин В.С. Теоретическое знание. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/steeeppin.pdf (дата обращения 10.11.2018).
12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролов. – М.: Республика, 2001. – 720 с.

13. Мень А. Трудный путь к диалогу. − М.: Радуга, 1992. − 464 с.
14. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. URL: https://www.gumer.info/ bogoslov_Buks/Culture/Belik/index.php (дата обращения 05.06.2018).
15. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. URL: http://www.ethnology.ru/doc/its01/its01_7.htm (дата обращения 07.06.2018).
16. Этнография // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Этнография (дата обращения 04.05.2018).
17. Культурный релятивизм // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_релятивизм (дата обращения 14.08.2018).
18. Херсковиц М. Культурный релятивизм и культурные ценности // Культурный релятивизм URL: http://archive.is/gOoV (дата обращения 17.08.2018).
19. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. – М.: Высшая школа, 1978. – 350 с.
20. Рейчелз Дж. Вызов культурного релятивизма // Культурный релятивизм. URL: http://archive.is/gOoV (дата обращения 09.08.2018).
21. World Economic Situation and Prospects. New York: United Nations, 2018. 207 p. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/WESP2018_Full_Web-1.pdf (дата обращения: 14.11.2018).
22. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
23. Lorenz K. Der Abbau Des Menschlichen. – Munchen: Piper, 1983. – 294 p.
24. Тэнзин Гьяцо. Этика для нового тысячелетия. – СПб.: Нартанг, 2005. – 240 с.
25. Mind & Life Conference – Reimagining Human Flourishing. – Dharamsala, March 12–16, 2018. URL: https://www.dalailama.com/news/2018/mind-life-conference-reimagining-human-flourishing-opening-day (дата обращения 17.09.2018).
26. Mind & Life Conference – Reimagining Human Flourishing. Dharamsala Dialogue Livestream. Dharamsala, March 12, 2018. URL: https://www.mindandlife.org/mind-and-life-dialogues/dharamsala-dialogue-livestream/ (дата обращения 17.09.2018).
27. Goleman D., Senge P. The Triple Focus: a New Approach to Education. – Florence: More Than Sound Publisher, 2014. – 92 p.
28. Его Святейшество Далай-лама. Буддийская практика. Путь к жизни, полной смысла. – М.: София, 2005. – 206 с.
29. Кузьменко В. РПЦ идёт в школу // Открытая Россия в глобальной политике. URL: https://openrussia.org/notes/702887/ (дата обращения 10.11.2018).
30. Директора новосибирского театра Мездрича уволили после жалоб РПЦ на «Тангейзер» // Новая газета. URL: https://www.novayagazeta.ru/news/2015/03/29/111179-direktora-novosibirskogo-teatra-mezdricha-uvolili-posle-zhalob-rpts-na-171-tangeyzer-187 (дата обращения 12.11.2018).
31. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического знания // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1983. – С. 345−415.
32. Завьялов В. Брачный ринг: от борьбы к гармонии. Дианализ трудных вопросов жизни. − М.: Беловодье, 2018. – 317 с.
33. Sztompka P. Agency and progress: the idea of progress and changing theories of change // Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century / Ed. by J.C. Alexander, P. Sztompka. – Boston: Unwin Hyman, 2002. – P. 247–264.
34. Wilber K. Sex, Ecology, Spirituality: the Spirit of Evolution. – Boston; London: Shambhala, 2000. – 851 p.
35. Ценностные критерии общественного прогресса. URL: https://studme.org/77308/filosofiya/ tsennostnye_kriterii_obschestvennogo_progressa (дата обращения 25.09.2018).
36. Nowak S. Models of directional change and human values: the theory of progress as an applied social science // Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century / Ed. by J.C. Alexander, P. Sztompka. – Boston: Unwin Hyman, 2002. – P. 229–246.

Поступила 13.11.2018 г.

UDC 316.648:316.42:172

EVOLUTION OF THE IDEA OF PROGRESS IN CONNECTION WITH GLOBAL PROBLEMS OF THE MODERN WORLD IN THE CONTEXT OF VALUE CONSCIOUSNESS CHANGE AND THE ISSUES OF HUMAN ETHICS

Marina I. Gaskova,
mia78988@gmail.com

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Academician Lavrentyev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russia.

Marina I. Gaskova, Cand. Sc., researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The relevance *of the researched issue is related to global problems (destruction of nature and global warming, accumulation of large quantities of nuclear weapons, etc.). Additionally, the existing tendency towards unipolar world with its corresponding values have prompted the author to start pondering over the essence of the social progress.* ***The aim*** *of the paper was to clarify the notion of this phenomenon, to analyze key aspects and criteria in its understanding, focusing on value consciousness. The author was aiming at studying the problem from holistic point of view and used methods of analysis and synthesis. As* ***a result of the research,*** *the existing approaches to progress were systematized and grouped, taking into consideration the historical development of the notion; key aspects, furthering the survival and harmonization of the civilization were identified.* ***The main conclusions*** *were the following: if in the nineteenth century progress was understood primarily as linear, «impersonal», universal process, in the twentieth century, partially due to the influence of critical changes, taking place in the world, its notion was transformed. The theories, underlining the importance and uniqueness of development of each culture, significance of human (secular) ethics encourage the ideas of interconnection and interdependence of people, increased responsibility of each individual, and help give up the ethnocentric vision of domineering western way of development. Today we understand it at a greater degree that progress depends on the inner world of each individual, his/her ethics and proactive life attitude. Current idea of progress also does not imply that all elements of the system develop simultaneously and similarly.*

Key words: *Progress, human secular ethics, global problems, role of an individual.*

The research was carried out within the state task of Federal Agency for Scientific Organizations in Russia by the project XI.179.1.2. «Conditions and stimulus of forming and implementing population human potential in labor and education spheres» no. AAAA-A17-117022250119-3.

REFERENCES

1. Lukin A.V. Kuda vedet progress? [Where does the progress lead?]. *Rossiya v globalnoy politike*, 2014, no 5. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/Kuda-vedet-progress-17108 (accessed 8 June 2018).
2. Cheshev V.V. Technical progress in the cultural and historical perspective. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 12, pp. 64–78. In Rus.
3. Alexander J.C. Between progress and apocalypse: social theory and the dream of reason in the twentieth century. *Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century.* Ed. by J.C. Alexander, P. Sztompka. Boston, Unwin Hyman, 2002. pp. 15–38.
4. Gutorov V.A. Some tendencies in the interpretation of the concept of progress in the modern social theory. *Voprosy filosofii*, 2017, no 12, pp. 32–43. In Rus.

5. Momdzhyan K.Kh. The hypothesis of social progress in the modern social theory. *Voprosy filosofii*, 2016, no 10, pp. 36–46. In Rus.
6. Podvoyskiy D.G. Taking the paths of modernity: sociological variations. *Sociological Studies*, 2013, no 10, pp. 3–13. In Rus.
7. Novoe vremya [Modern age]. *Akademik*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/19198 (accessed 14 August 2018).
8. Moiseeva L.A. *Istoriya tsivilizatsii. Kurs lektsii* [The history of civilizations. Lecture course]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/19198 (accessed 12 August 2018).
9. Gofman A.B. *Sem lektsiy po istorii sotsiologii* [Seven lectures on the history of sociology]. Available at: http://socioline.ru/_seminar/library/gofman/lection_02.php (accessed 7 June 2018).
10. Bulgakov S.N. *Osnovnye problemy teorii progressa* [The main problems of the theory of progress]. Available at: http://www.vehi.net/bulgakov/progress.html#_ftn1 (accessed 7 May 2018).
11. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Available at: http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/steeeppin.pdf (accessed 10 November 2018).
12. *Filosofskiy slovar* [Philosophical dictionary]. Ed. by I.T. Frolov. Moscow, Respublika Publ., 2001. 720 p.
13. Men A. *Trudny put k dialogu* [Difficult way to dialogue]. Moscow, Raduga Publ., 1992. 464 p.
14. Belik A.A. *Kulturologiya. Antropologicheskie teorii kultur* [Cultural studies. Anthropological theories of cultures]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Culture/Belik/index.php (accessed 5 June 2018).
15. Its R.F. *Vvedenie v etnografiyu* [Introduction to ethnography: study guide]. Available at: http://www.ethnology.ru/doc/its01/its01_7.htm (accessed 7 June 2018).
16. Etnografiya [Ethnography]. *Wikipediya*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Этнография (accessed 4 May 2018).
17. Kulturny relyativizm [Cultural relativism]. *Wikipediya*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_релятивизм (accessed 14 August 2018).
18. Kherskovits M. Kulturny relyativizm i kulturnye tsennosti [Cultural relativism]. *Kulturny relyativizm.* Available at: http://archive.is/gOoV (accessed 17 August 2018).
19. Tokarev S.A. *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [The history of foreign ethnography]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 350 p.
20. Rachels Dzh. *Vyzov kulturnogo relyativizma* [The challenge of cultural relativism]. *Kulturny relyativizm.* Available at: http://archive.is/gOoV (accessed 9 August 2018).
21. *World Economic Situation and Prospects*. New York, United Nations, 2018. 207 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/WESP2018_Full_Web-1.pdf (accessed 14 November 2018).
22. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. Moscow, Progress Publ., 1985. 312 p.
23. Lorenz K. *Der Abbau Des Menschlichen*. Munchen, Piper, 1983. 294 p.
24. Gyatso T. *Etika dlya novogo tysyacheletiya* [Ethics for the New Millenium]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2005. 236 p.
25. Mind & Life Conference – Reimagining Human Flourishing. Dharamsala, March 12–16, 2018. Available at: https://www.dalailama.com/news/2018/mind-life-conference-reimagining-human-flourishing-opening-day (accessed 17 September 2018).
26. Mind & Life Conference – Reimagining Human Flourishing. Dharamsala Dialogue Livestream. Dharamsala, March 12, 2018. Available at: https://www.mindandlife.org/mind-and-life-dialogues/dharamsala-dialogue-livestream/ (accessed 17 September 2018).
27. Goleman D., Senge P. *The Triple Focus: a New Approach to Education*. Florence, More Than Sound Publ., 2014. 92 p.
28. Dalay Lama. *Buddiyskaya praktika. Put k zhizni, polnoy smysla* [Buddhist practice. The Way to a Meaningful Life]. Moscow, Sofia Publ., 2005. 206 p.
29. Kuzmenko V. RPTS idet v shkolu [ROC goes to school]. *Otkrytaya Rossiya v globalnoy politike*. Available at: https://openrussia.org/notes/702887/ (accessed 10 November 2018).
30. Direktora novosibirskogo teatra Mezdricha uvolili posle zhalob RPTS na «Tangeyzer» [Novosibirsk Opera and Ballet Theatre Director Mezdrich was retired after ROC complaints about «Tangeizer»]. *Novaya gazeta.* Available at: https://www.novayagazeta.ru/news/2015/03/29/111179-direktora-novosibirskogo-teatra-mezdricha-uvolili-posle-zhalob-rpts-na-171-tangeyzer-187 (accessed 10 November 2018).
31. Veber M. «Obyektivnost» sotsialno-nauchnogo i sotsialno-politicheskogo znaniya [«Objectivity» of social-scientific and social-political knowledge]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 345−415.

32. Zavyalov V. *Brachny ring: ot borby k garmonii. Dianaliz trudnykh voprosov zhizni* [Marriage ring: Dianalysis of difficult issues of life]. Moscow, Belovodye Publ., 2018. 317 p.
33. Sztompka P. Agency and progress: the idea of progress and changing theories of change. *Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century*. Eds. J.C. Alexander, P. Sztompka. Boston, Unwin Hyman Publ., 2002. pp. 247–264.
34. Wilber K. *Sex, Ecology, Spirituality: the Spirit of Evolution*. Boston; London, Shambhala, 2000. 851 p.
35. *Tsennostnye pokazateli obshchestvennogo progressa* [Value characteristics of the social progress]. Available at: https://studme.org/77308/filosofiya/tsennostnye_kriterii_obschestvennogo_progressa (accessed 25 September 2018).
36. Nowak S. Models of directional change and human values: the theory of progress as an applied social science. *Rethinking progress. Movements, forces and ideas at the end of the twentieth century*. Eds. J.C. Alexander, P. Sztompka. Boston, Unwin Hyman Publ., 2002. pp. 229–246.

Received: 13 November 2018.